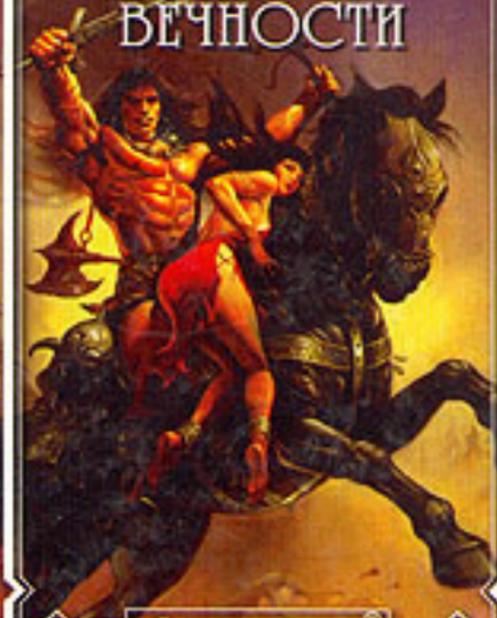

КОНАН

КОНАН
И ВРАТА
ВЕЧНОСТИ

Сезеро-Занэг®

Андрэ Олдмен

Конан и Врата Вечности

OCR&Spelecheck Игорь Серафимов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158857

Конан и Врата Вечности: Роман и повести: «Северо-Запад»; СПб.; 1997

ISBN 5-7906-0003-4

Аннотация

В сборник вошли романы: «Врата вечности» А. Олдмена, «Седьмая невеста» Д. Мак-Грегора и «Обитель спящих» Т. С. Стюарта о знаменитом Конане-варваре.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрэ Олдмен

Конан и Врата Вечности

ГЛАВА 1

Рыцари удачи

Небо было синим, щебень белым, а скалы желтыми с красноватым отливом. Знойное марево дрожало над мертвой пустыней, и, казалось, сухие ноги трех стройных хауранских скакунов опускаются в прозрачные воды мелкого озера, покрывавшего бесплодную землю.

Всадники, сидевшие в простых кожаных седлах без украшений, кутались в серые бурнусы, прикрывая лица шарфами: ровный ветер с отрогов гор Тайдук-Нубас нес на своих жарких крыльях пыль, меловое крошево и мелкие, жалиющие кожу споры растений. Его порывы рождали в каменистых расщелинах гулкие протяжные звуки, словно духи ущелий пели свои заунывные, предостерегающие путников песни.

– Не зря говорят, прокляты богами места эти, – пробурчал высокий седок, посапывая и что-то поправляя под широким бурнусом.

– Мой храбрый Бравгард, – откликнулся низенький тол-

стяк, державшийся в седле с небрежной уверенностью опытного наездника, – тебе нечего опасаться, пока с тобой повелитель Эль-Мехема. Забыл ли ты, друг мой, что твой господин неустрашим, как лев, осторожен, как дикий кот, и мудр, как столетний ворон. Так говорят подданные о властителе лучшего города Востока, светлейшем Абу-Дастане. Если, конечно, не лукавят.

– Не лукавят, – пробурчал сквозь шарф высокий, – мы давно знакомы, еще с тех пор, когда тебя звали просто Дастаном. Ты всегда был котом, львом, вороном и еще дюжиной животных: смотря по обстоятельствам.

– Т-с-с! – погрозил толстяк пальцем, на котором блеснул алый камень в золотой оправе. – Не забывай, друг мой, что здесь даже скалы имеют уши. Нашим добрым подданным во все ни к чему знать некоторые подробности из прошлой жизни их господина.

– Да этих трусов сюда не заманишь даже посулами всех сокровищ Вендии! – воскликнул его спутник, привстав на стременах. – Клянусь шлемом Мардука, Даст, не по душе мне здешние ублюдки. От последнего раба до нобиля с кривой саблей у пояса – все они лжецы и предатели. Готовы целовать пятки тому, кто сильнее, а при первом удобном случае – всадят нож в спину.

Абу-Дастан воздел руки и расхохотался. Ветер откинул его шарф, пыль набилась в маленький рот повелителя Эль-Мехема, толстяк заперхал и снова прикрыл лицо.

– А где ты видел иных людишек, мой добрый Бравгард? – спросил он, прокашлявшись. – В Немедии, где более чтут крепкий кулак, чем писанные законы и где каждый нобиль почитает своим долгом носить на пальце перстень с ядом? Или в Аквилонии, кичащейся своим величием, основанным на самых изощренных во всей Хайбории пытках? Вспомни Шамар и яму с голодными крысами, которой лишь помощь Мардука, покровителя всех наемников, да моя хитрость помогли избегнуть. Вспомни, что предал нас Плехт, наш славный боевой товарищ. Вспомни также Боссонские Топи, форт Велитриум и арбалетчиков, готовых превратить нас в мертвых ежей лишь за то, что в пьяной драке ты лишил сына шерифа его драгоценного уха. Вызови в памяти своей Танцевальный Помост на главной площади Кордавы и палача в красном капюшоне. Сей достойный слуга короля зингарского собирался таким образом отблагодарить нас за оказанные его господину услуги...

– Хватит, Даст! – воскликнул длинный. – Ты убедил меня: Эль-Мехем не такое уж гиблое место. Хотя мне и не хотелось бы провести остаток дней посреди раскаленных песков и щебня. Не понимаю, что ты нашел в этом так называемом княжестве, проскакать из конца в конец которое можно даже не взмылив коня. У меня все время такое чувство, будто ведьмы сунули нас в котел и разводят под ним свое гнусное пламя. Я скажу тебе, Даст, не как шахсару, а как старому боевому товарищу: не по душе мне все это. Мы славно погуля-

ли по многим странам, послужили не одному королю, раскроили немало черепушек и участвовали в доброй дюжине интриг от Аргоса до Гандерланда. Хлебали лиха и пили вино, развлекались с женщинами и томились в застенках: было хорошо, было плохо, но никогда не было скучно. Ответь и ты мне так же откровенно, что нашел Дастан Толстый, прозванный также Лисом за хитрость и изворотливость, что нашел сей бесшабашный рыцарь удачи за стенами Эль-Мехема?!

Дастан некоторое время ехал молча, отпустив поводья. Мелкие камни похрустывали под копытами хауранских жеребцов, знойное марево поднималось выше, доходя уже до колен скакунов – волны зноя, густея, катились от приближавшихся скал, похожие теперь не на воды мелкого озера, а на слоистое стекло, тускло блестевшее под полуденным солнцем.

– Не знаю, Бравгард, – молвил шахсар, подбирая веревочную узду, – в конце концов, это первая страна, которую мы завоевали. Пусть она маленькая, пусть жители ее прозябают в ничтожестве, но, согласись, город Эль-Мехем прекрасен. Поистине жемчужина песков...

– Жемчужина на дне котла, в котором выкипела похлебка, – пробурчал высокий. – Спору нет, дворцы и фонтаны Эль-Мехема великолепны, сады его тенисты, а бабы, хоть и закрывают лица, способны вскружить голову даже дикому ваниру. Кому только пришло в голову выстроить подобное чудо посреди мертвой долины, запертой со всех сторон гора-

ми? В переводе на наш язык Эль-Мехем означает «Уединенный Город», но что проку в уединении, кое нарушить способен любой, у кого меч длиннее, а рука крепче?

Абу-Дастан хмыкнул.

– И все же, мой добрый Бравгард, взяли этот город мы, немедийские наемники. На восход, за перевалами Тайдук-Нубас лежит Вендия, величайшая держава Гирканского материка. Слоны кшатриев способны растоптать любого, осмелившегося только подумать – не говорить! – о собственных притязаниях. На закат расположены Косала и далее – Иранистан. Стоит тамошним повелителям захотеть – и наше небольшое королевство окажется под их властью. Тебе не кажется странным, что дивный город Эль-Мехем до сих пор сохранял независимость?

Бравгард помедлил с ответом, потом сказал осторожно:

– Я не силен в политике, о шахсар. Это твои дела. Только сдается мне, что ничтожный Агиб-Абу, имевший глупость нанять нас себе на службу, был слугой двух господ. Болтают на базарах, он умел ладить и с мехараджубами Вендии, и с повелителями Косалы. Теперь же, когда Агиб-Абу мертв, а мехемцы целуют твои туфли, государи сопредельные не преминут отхватить лакомый кусочек.

– Это тоже болтают на базарах? – резко повернулся к своему спутнику владетель Эль-Мехема.

– Болтают, – кивнул Бравгард. – Ты сам велел быть твоими ушами и глазами, о великий, достойный, попирающий

твердь, дарованную богами, шахсар!

Последние слова он произнес с неподдельным пафосом и глубоким, насколько позволяло седло, поклоном. Шахсар милостиво кивнул.

– Хорошо сказано, Бравгард-нэмэ, ты наконец освоил восточную учтивость. Мы довольны. Пожалуй, сегодня вечером мы придем в твою опочивальню пару наложниц: Саффину, заморку, и еще эту беленькую, Иллис из Бритунии. Или ты предпочитаешь пышнотелых туранок? Попроси, мой достойный глава дворцовой стражи, и получишь хоть дюжину: мы не любим толстухек. В любви они проворнее марала, но слишком болтливы. Как восточный деспот, суть власти коего – тайна, отдаем предпочтение малоречивым северянкам, остальных же склоняемся лишить языков, как сделал наш предшественник с несчастным шемитом Махрой, уж не знаем за что...

И толстяк указал на следовавшего в некотором отдалении третьего всадника.

– Ты мудр, как ворон, – кивнул Бравгард. – Следовало бы вырвать языки всем здешним. Болтают много, и все не по делу.

– Например, о колдуне, – подсказал Дастан.

– О колдуне, об этом проклятом стигийце, – снова кивнул длинный. – Поговаривают даже, что он использовал чары, дабы ты, о шахсар, дозволил ему поселиться в этих местах...

Он осекся и резко натянул поводья: жеребец Дастана, по-

винуясь узде хозяина, повернулся, загораживая дорогу начальнику дворцовой стражи.

– Поговаривают?! – гневно вскричал шахсар. – Поговаривают! Ты произносишь это так, словно речь идет о сплетнях, гуляющих среди ничтожных женщин! Назови имена, звания! Впрочем нет, мне это неинтересно. Отчего болтуны до сих пор не висят на крючьях, вбитых в стену возле Балдахских ворот?! Тем, кто горазд чесать языками, не худо бы почесать ребра, и заниматься сим праведным делом обязан ты, глава моих янпачей! А коли не способен, так я пришлю ночью вместо красавиц черного зембабвийца Рабомбу, и ты, недостойный, послужишь ему наложницей!

Рука Бравгарда метнулась под полог бурнуса – жаркое солнце пустыни полыхнуло на длинном прямом клинке. Конь бывшего немедийского наемника заржал и встал на дыбы.

– Клянусь сосками Братгальды! – взревел оскорбленный воин. – Ты достал меня, шахсар проклятый! Вытаскивай свою саблю и поглядим, какая сталь крепче – северная или южная!

Безмолвный Махра потянул из-за пазухи пару метательных хассаков, готовый пустить их в ход по первому знаку своего господина – повелителя всех добрых мехемцев.

Но повелитель лишь расхохотался, поглаживая гриву коня и грозя начальнику янпачей коротким пальцем.

– Полно, мой добрый боевой сотоварищ, – вымолвил он

сквозь смех, – это всего лишь южная шутка, и не следует отвечать на нее сталью!

– Есть шутки, которые нужно вбивать обратно в глотки, – Бравгард с трудом сдерживал своего горячего скакуна, – я тебе не лизоблюд мехемский, мне честь ведома!

– А я было стал сомневаться, когда ты принялся кланяться да величать меня дурацкими титулами, словно на дворцовых приемах. Оглянись, друг, вокруг никого нет!

– Тем лучше, месьор Дастан, значит, наш поединок не будет потешным!

– Поединка вовсе не будет. Я беру свои слова обратно и приношу тебе глубокие извинения, месьор Бравгард, старая собака.

– Так-то лучше, Лис. Нечего хвост распускать, шахсар недоделанный. А своего чернозадого Рабомбу стигийцу отправь в качестве подарка. Глядишь, колдуну и понравится...

Леденящий душу рев вырвался вдруг из расщелины недалеких уже скал. Сильный порыв ветра закрутился пыльной воронкой, и она стремительно понеслась навстречу всадникам.

– Спасайся, повелитель, – завопил Бравгард, готовясь дать коню шпоры и забыв о всяческой чести, – стигийский ублюдок напустил на нас чары!

Новый взрыв хохота был ему ответом.

Впрочем, заметив, как яростно сверкнули глаза немедийца, шахсар тут же перестал смеяться и сделал примиритель-

ный жест.

– Не обижайся, приятель, – прокричал он сквозь рев ветра, – знаю, ты не боишься никого из смертных, но черно-книжники способны вселить ужас даже в самые отважные сердца. Успокойся! Этот ветер не имеет никакого касательства ни к чарам, ни к волшебнику. Просто он дует с гор и, попадая в трещины, гудит там, как в печных трубах.

Рев стих, пыльный смерч рассыпался у ног лошадей. Бравгард обиженно пожал плечами.

– Тебе, конечно, виднее, Дагт. Стигиец – твой дружок, и в гости к нему ты всегда отправляешься лишь в сопровождении немого. Повторю: тебе виднее. Но позволь заметить, шахсар, я бы не стал так уж доверять колдуну. Всем известно, что чародеи коварны, тем более стигийцы. Вспомни также, что я говорил о желании мехемцев всадить нож в спину тому, перед кем они вынуждены пресмыкаться. Не всем по нраву, что на престоле Эль-Мехема сидит бывший наемник, а здешние места просто созданы для темных дел...

– К твоей бы храбрости еще и побольше сообразительности, – усмехнулся Дастан, снова трогая коня вперед. – Не ты ли утверждал, что мехемцев не заманишь сюда даже посулами сокровищ? Сие правда, и опасаться мне нечего. Даже если кто-нибудь и проследил, как бедно одетые всадники направились в сторону гор, соглядатай не осмелится сойти с дороги и приблизиться к пещере колдуна ради того, чтобы узнать, кто скрывается под серыми бурнусами. Что же каса-

ется коварства стигийца, не стоит забывать, что лучшая по-рука всяческих отношений – корысть, привязывающая крепче, нежели любое иное чувство.

А корысть чародея велика. Так что отбрось сомнения, о неустрашимый глава янпачей, и смело следуй за своим господином!

Скалы уже нависали над ними, расступаясь ложиной, в которую Дастан углубился с уверенностью человека, не раз бывавшего в этих местах. Кони уверенно брали подъем, сначала отлогий, потом все более крутой. Вдоль тропинки росли чахлые пыльные кусты, на желтоватых стенах виднелись красноватые извилистые полосы, напоминавшие тела огромных змей.

Тропинка привела на широкую террасу, полукругом охватывающую основание довольно высокого пика, похожего на гигантский гнилой зуб. Над утесом высилась мрачная высокая башня. Здесь было много больших камней, скатившихся со склонов гор Тайдук-Нубас – горячих, голых и мертвых. Кусты исчезли, даже трава не росла в этом гиблом месте. Не видно было и всегдашних обитателей знойных долин – ни ящериц, ни полозов, и даже насекомых не было.

– Веселое местечко избрал стигиец для уединения, – проворчал Бравгард, озираясь по сторонам. – А ведь ты предлагал ему поселиться во дворце...

Он не договорил и резко натянул поводья. Из-за ближайшего камня раздался звук, заставивший немедийца снова из-

влечь из-под бурнуса тяжелый меч. Земля дрогнула под тяжелой поступью, и взорам путников явилось создание, более уместное в кошмарных ночных сновидениях, нежели под лучами яркого полуденного солнца.

Внешне оно отдаленно напоминало человека, правда, шире любого молодца-силача раза в два и выше локтя на три. Туловище его было черным, а голова, по-видимому, металлической: она ярко сверкала белыми сполохами и более всего напоминала чудовищных размеров перевернутую суповую миску, увенчанную не то рогом, не то усом с алым шариком на конце. Там, где полагалось быть лицу, темнели три отверстия, кои при наличии воображения можно было отождествить с глазами и ртом. Из всех отверстий валом валил желтый дым.

Чудовище загородило людям дорогу и застыло, медленно поднимая и опуская согнутые в локтях короткие толстые руки.

– Привет тебе, о Страж Безмолвия! – привстал на стременах шахсар, прикладывая к сердцу ладонь и кланяясь. – Мы прибыли, дабы испросить разрешения повидать твоего господина и засвидетельствовать ему свое почтение. Если он соизволит нас принять, мы войдем под его кров, если нет – удалимся с миром.

– Клянусь кишками дохлого ванира... – начал было Бравгард, но Дастан жестом приказал спутнику умолкнуть.

Под суповой миской Стража что-то загудело, дым пова-

лил гуще, потом железная голова монстра пришла в движение и с ужасным скрипом повернулась затылком к гостям – стали видны начертанные на гладкой поверхности магические знаки.

– Не обращай внимания на этого уroda, – шепнул шахсар своему товарищу, – он безобидный, только с виду страшный. Магарбан постарался, дабы отпугивать тех, кто рискнет нарушить его уединение. Но, так как сюда, кроме меня и немного Махры, никто не ходит, монстр скучает от безделья и, кажется, постепенно ржавеет. В прошлый раз его башка скрипела гораздо меньше.

Алый шар над головой Стража полыхнул ярким сполохом и угас. Железная супница снова заскрежетала, поворачиваясь, желтый дым почти исчез, и стали видны багровые точки в круглых глазницах. Из неподвижного рта долетел слабый голос, похожий на птичий клекот:

– Вас примут.

Сообщив это радостное известие, монстр попятился, налетел спиной на камень, выпустил из всех трех дырок густые желтые клубы и удалился в свое убежище – все так же спиной вперед.

– А что, колдун мог бы не принять шахсара Эль-Мехема? – спросил Бравгард, когда кони прошли добрую сотню шагов и безмолвный истукан исчез за поворотом скалы.

– Теоретически, – хохотнул Дастан, – но кто же откажется поболтать с таким приятным собеседником, как я? Кстати,

вот и наш радушный хозяин!

Впереди, возле черного отверстия в скале, скрестив на впалой груди сухие длинные руки, величественно ожидал их приближения стигийский маг Арр-Магарбан-ин-Барруд-эд-Хатта-Оммон собственной персоной.

ГЛАВА 2

Предание Эль-Мехема

Легенда гласит, что долина Мехем-Ту, лежащая между отрогов гор Тайдук-Нубас как раз на границе между Вендией и Косалой, была некогда цветущим садом, благословенным оазисом среди голых скал. Рассказывают также, что в давние времена мехараджуб Вакришамитра построил в этом уединенном месте город и назвал его Эль-Мехем, что значит «Поселение Сокровенной Долины». Здесь, за высокими зубчатыми стенами, под охраной восьми высоких башен, на которых день и ночь несли стражу доблестные кшатрии в сверкающих островерхих шлемах, среди пышных дворцов и тенистых парков, владыка отдыхал от важных государственных дел, коими вынужден был заниматься в своей резиденции в столице Вендии. Наслаждаясь журчанием фонтанных струй, пением и танцами многочисленных гурий, мехараджуб предавался возвышенным размышлениям о странности всего земного, сочинял стихи и перебирал струны ситара, пока не наступала пора вернуться в блистательную, но суетную Ай-одхью, чтобы разоблачить очередной заговор, посадить организаторов на колья или растоптать слонами, а затем предать огню и мечу княжества непокорных раджубов.

Легенда гласит, что однажды, когда Вакришамитра си-

дел под тенистым фиговым деревом в обществе шести наложниц, прекрасных, как розы весенней ночью, явился ему во всем своем грозном величии сам Асура – Царь Небесный. Огненная колесница, запряженная шестью острокрылыми птицами с женскими лицами, опустилась в долину Мехем-Ту среди страшного грохота и языков пламени, погубивших оазис, но не тронувших города. Владыка же Небесной Тверди и Круга Земного приступил к мехараджубу, озадачив последнего такими речами:

«Несчастный, ничтожный и пребывающий в слепоте, – сказал Асура, – жалок удел твой! Повелевая многими, ты не властвуешь над собой, оттого твои подданные пребывают в вечном страхе и неуверенности и стали забывать меня, своего истинного повелителя. Ты же, уединяясь среди садов, не можешь сполна насладиться их тенью, и плоды древесные не в силах тебя насытить!»

Надо сказать, что Вакришамитра мало что понял из этой грозной речи. Подданные исправно платили налоги, славили мехараджуба и усердно молились в храмах. Плоды древесные, зреющие в садах Эль-Мехема, были сочны, вкусны и насыщали не хуже мяса молодых ланей, павлиньих языков и мозгов живых обезьян. Однако мехараджуб не осмелился спорить с богом, чей лик сиял ярче сотни солнц, а голос гремел, подобно тысячам боевых труб.

«Ты должен вступить на Тропу, – проревел Асура, – нельзя вечно стоять в двух лодках! Когда рыба поймана – сеть

выбрасывают! Встань, умри и иди прочь!»

Странны и непонятны были речи Царя Небесного, но тут от мощных раскатов его голоса фиговое дерево затряслось, и несколько плодов упало сверху, пребольно стукнув мехараджуба по темени.

Легенда гласит, что в тот же миг Вакришамитра понял очень многие вещи, которые безуспешно пытался потом толковать ученикам на протяжении всей своей жизни (например, почему надо выбрасывать сеть и как можно, умерев, все же куда-то идти). Бывший мехараджуб послушался Асуру и немедленно удалился в горы, где двадцать лет и три года питался одними акридами и диким медом. Прекрасные наложницы последовали за своим господином и стали его первыми слушательницами, положив начало до сих пор существующей секте вакришамитов. По-другому эти люди именуются фигиатами – в честь дерева, плоды коего оказали на основоположника движения столь благотворное воздействие. Фигиаты живут в горах и диких джунглях, подолгу сидят со скрещенными ногами на голой земле и всегда имеют ровно по шесть жен, с коими вступают в сношения исключительно ради продления колен своих.

Легенда умалчивает, кто первым проник за стены города, много веков пребывавшего в запустении, ибо, после исчезновения мехараджуба, его законная супруга, разыскав покинутое убежище мужа, предала Эль-Мехем разграблению. Не помогли никакие ссылки на явление грозного бога: вельмож

частью удавили, частью растоптали слонами, людей попроще посадили на кол или повесили на крючья возле Балдахских ворот. Не одну сотню раз проливались дожди и выгорали листья в мехемских садах, пока наконец безымянные искатели счастья вновь обосновались за его стенами.

Скорее всего, это были беглые рабы из Косалы и представители низших каст из Вендии. Гонимые и преследуемые, они укрывались в горах Тайдук-Нубас и в один прекрасный день вновь открыли долину Мехем, о которой к тому времени все давно позабыли.

Некоторое время городу удавалось существовать автономно, пока о нем не проведали власти двух сопредельных держав. Тогда в Эль-Мехем прибыли сразу два наместника – косальский и вендийский. Жителям не нужен был ни тот, ни другой, поэтому хитрые и коварные мехемцы поначалу закатали пир в честь новоприбывших, а ночью перебили отряды и зарезали несостоявшихся губернаторов.

Вендийцы решили, что виной случившемуся интриги косальцев, последние обвинили во всем вендийцев. Между двумя странами разразилась война, длившаяся семь лет. Эль-Мехем неоднократно переходил из рук в руки, пока жителям это не надоело и они не подняли восстание.

Возглавил его храбрый и жестокий Хеир-Эддин, бывший косальский раб, одноглазый и уродливый, как запечный кобольд. Сей вождь предложил вендийцам свои услуги в борьбе против косальцев, а тем – вечный союз против вендий-

цев. Отлично зная окрестные горы, он заманил соперников в узкие ущелья, где кшатрии и янпачи погибли под лавинами камней, сброшенных сверху мехемцами.

Одержав столь славную победу, Хеир-Эддин повелел поставить на краю долины сторожевые заставы, дабы стеречь все горные проходы, однако последних было так много, что сие предприятие не увенчалось успехом. Горы Тайдук-Нубас – всего лишь жалкая насмешка над величественными вершинами Химелии, лежащими далее к северу, так что Эль-Мехем еще не раз становился добычей врагов, которые всегда находили неохранные проходы, через которые делали частые набеги и потом возвращались домой, обогащенные трофеями и исполненные презрения к обитателям Сокровенной Долины.

Впрочем, владыки Вендии и Косалы отказались от прямого владения Эль-Мехемом, смекнув, что гораздо выгоднее позволить жителям богатеть за счет целебных вод, добываемых из-под земли прямо в городе (считается, что это – дар Асуры, оставленный мехемцам взамен сожженных огненной колесницей виноградников), и получать от них щедрую дань. Владыки только посмеивались над тщеславием мехемских князьков, гордо именующих себя шахсарами, то есть «властителями, угодными богам». Князя Эль-Мехема, ведущие род от ничтожного раба, были скорее угодны Вендии и Косале, чем небожителям.

Последний мехемский шахсар, носивший в себе частицу

крови Хеир-Эддина, звался Агиб-Абу и отличался крайней, доходившей до судорожных приступов трусостью. Шесть человек должны были попробовать кушанья, прежде чем те отправлялись в утробу мехемского повелителя. Кольчужную рубашку он всегда носил под халатом и не снимал ее даже в постели. Помимо иранистанских наемников-янпачей, Агиб-Абу окружил себя черными рабами-телохранителями, а немой шемит Махра, славившийся умением всаживать метательный нож в муху за пятнадцать шагов, сопровождал господина и в женские спальни, и туда, где любой нормальный человек предпочитает восседать в полном уединении. Когда в горной долине объявился отряд немедийских наемников, бежавших от преследований через Гирканские степи на юг, Агиб-Абу, пораженный искусством, с которым северяне владели тяжелыми прямыми мечами и невиданными доселе арбалетами, сдуру нанял воинов удачи себе на службу...

Это стало последней ошибкой в его жизни. Воспользовавшись недовольством части вельмож, сметливый Дастан по прозвищу Лис явился в сопровождении стрелков в шахсарскую купальню и наглядно продемонстрировал умение своих людей поражать плавающую цель. Черные телохранители, вспомнив старые обиды, тут же перешли на сторону восставших, а так и не успевший метнуть ножи, предусмотрительно накрытый проволочной сетью немой Махра присоединился к ним после недолгих, но весьма плодотворных размышлений, суть коих он, естественно, никому не мог поведать.

Десять дней и ночей продолжался пир в огромном шахсарском дворце. Льстивые мехемцы наперебой славили достойнейших Абу-Дастана и сотоварища его Бравгарда-нэмэ. Достойнейшие Дастан и Бравгард, по которым плакали палачи Бельверуса, Тарантии, Шамары, Кордавы, Мессантии, а также десятка других городов и весей, пили сладкие вина, закусывали черепашым супом и солеными петушиными гребешками, купались в фонтанах и ломали мебель. Остальные наемники им усердно помогали. В промежутках между этими веселыми занятиями немедийцы сравнивали достоинства шахсарских наложниц, чтобы затем поделиться впечатлениями. Поделившись, менялись женщинами, бурно выражавшими восторг, ибо все они почти забыли, что такое мужская ласка: покойный Агиб-Абу был хоть и не стар, но мало на что годен и пользовался наложницами исключительно в качестве грелок.

Выпив большую часть винных запасов и сокрушив все, что можно было сокрушить, Дастан и Бравгард отправились осматривать дворцовые подвалы, прикидывая, сколько лошадей потребуется, чтобы вывезти золото и драгоценности. Остаться в Эль-Мехеме они не собирались, справедливо полагая, что, как только слухи о перевороте дойдут до ушей властителей Вендии и Косалы, извечные враги объединятся, дабы навести порядок и покарать дерзких пришельцев.

Золота и драгоценностей в подвалах оказалось пруд пруди, так что и думать было нечего забрать с собой все со-

кровища. А в дальней камере за внушительной бронзовой дверью друзья обнаружили нечто, полностью изменившее их первоначальные планы. Во всяком случае, планы Дастана.

Это был худой голый старик, прикованный к стене железными цепями. Длинная седая борода покрывала его впалую грудь, лицо, украшенное длинным крючковатым носом, носило все признаки необыкновенной старости. В углу стоял затянутый паутиной посох и валялась одежда, сорванная с узника.

Поначалу воины решили, что старик мертв, но тот вдруг открыл глаза и вперил в немедийцев дикий и пронзительный взор.

– Вы должны меня освободить, – сказал он глухим скрипучим голосом, не прося, но утверждая эту необходимость.

– Кто ты? – спросил Дастан, пораженный тем, что мощи ожили и даже разговаривают.

– Арр-Магарбан, стигийский маг, – отвечал узник надменно. – А ты – рыцарь Дастан Толстый по прозвищу Лис. Сними с меня цепи.

Но осторожность уже взяла верх над удивлением, и бывалый авантюрист не стал торопиться с освобождением волшебника. Для начала он вступил со стигийцем в длительные переговоры, велел предварительно Бравгарду посторожить за дверью. И, как ни прикладывал тот ухо к тяжелой толстой створке, ничего не смог услышать: о чем говорили рыцарь удачи и стигийский колдун, так и осталось тайной.

К удивлению мехемцев и собственных воинов, Дастан не только освободил колдуна, вернув ему платье, посох и мешок старых рукописей, но и предложил стигийцу кров и стол, от которых старик гордо отказался. Впрочем, чародей утверждал, что не высокомерие тому причиной, а, напротив, обет смирения, который он принес, покидая пределы родной Стигии. Таково якобы было условие, поставленное его мрачными учителями, прежде чем ему дозволили идти на все четыре стороны. Потому и не воспользовался он тайной силой, когда коварный Агиб-Абу, поначалу оказавший усталому путнику гостеприимство, вероломно заключил его в темницу, тщаь поставить могущество чернокнижника себе на службу.

Столь же неожиданным было решение Дастана обосноваться в Эль-Мехеме и занять престол. Придворные не осмелились роптать, рассудив, что сильный властитель лучше слабого, а какая кровь течет в его жилах – не так уж важно. Тем более что сами они вели род от косальских рабов и вендийских париев.

Наемники тоже не выразили особого сожаления, что отъезд откладывается на неопределенное время. Все они получили свою долю мехемских сокровищ и могли наконец наслаждаться жизнью, купив удобные дома и сговорчивых женщин. Ворчал поначалу только Бравгард, но и его честолюбие было удовлетворено: Дастан назначил старого приятеля главнокомандующим небольшим, но свирепым отрядом ян-

пачей, охранявших резиденцию шахсара.

Маг удалился в предгорья Тайдук-Нубас – дабы, как было объявлено, предаваться в полном уединении своей колдовской науке. Вслед за чародеем ушел караван, нагруженный тюками, сундуками и мебелью, купленной на шахсарские деньги у заезжих купцов. Вслед за караваном отправились полсотни искусных мастеровых, выбранных между иранистанскими невольниками.

С тех пор прошло больше месяца – ни верблюдов, ни мастеров больше никто не видел. Дружина Дастана и отряд янпачей во главе с Бравгардом отразили несколько нападений небольших разбойничьих ватаг, водрузив головы поверженных врагов на кольях посреди рыночной площади. Горожане восприняли эти победы без особой радости: доходили слухи, что в Косале и Вендии собирают большие войска, дабы идти на Эль-Мехем. Вельможи втайне прикидывали, послужит ли голова Абу-Дастана, преподнесенная на блюде владыкам двух сопредельных держав, достаточным оправданием их участия в мятеже против законного шахсара. Народ попроще ночами прятал добро в укромных местах.

И те, и другие проклинали колдуна, чье внезапное явление из сырых подвалов дворца укрепило немедийского авантюриста в крамольной мысли отбить нападение двух огромных армий и навсегда утвердиться на троне маленького княжества, затерянного среди гор.

ГЛАВА 3

Серебряный всадник

Арр-Магарбан молча провел гостей в свое убежище. Пещера была огромна. Мастерские одели каменные стены богатейшей штучной резьбой и устроили жилище мага так, что в нем мог бы разместиться кто-нибудь поважней простого пустынного. Посредине залы был устроен обширный бассейн, в котором плескалась чистая вода, питаемая подземными источниками; несколько пышных деревьев росли по его краям, а под деревьями стояли глубокие резные кресла, покрытые мягкими шкурами пятнистых леопардов.

Высокий свод был пробит – сверху лился мягкий солнечный свет, не жаркий, как снаружи, а теплый и ласковый. Ночами Арр-Магарбан мог наблюдать сквозь круглое отверстие звезды и сверять с ними свои планы. Под потолком залы виднелись бесчисленные магические знаки и фигуры, а вдоль стен располагались столы, заваленные непонятными инструментами, и какие-то хитрые сооружения пугающего вида.

– Садитесь, – молвил волшебник, небрежно махнув в сторону кресел. Дастан и Бравгард устроились на леопардовых шкурах, чернокнижник уселся напротив, благосклонно кивая длинным носом. Безмолвный Махра поместился за спиной хозяина, настороженно поглядывая на колдуна.

– Пребываешь ли ты в здравии, уважаемый Эд-Хатта-Оммон, и благоприятно ли сегодня расположение звезд для нашей беседы? – спросил шахсар, снимая пропыленный головной убор и оглаживая короткую черную бороду.

– Расположение звезд благоприятно, о повелитель, что же до моего здравия, оно в последнюю сотню лет остается все тем же. Я не могу обратить время вспять, но способен замедлять его бег. Слишком поздно открыл я тайну эликсира, продлевающего жизнь, так что остается лишь поддерживать старость, скорбя об ушедших годах...

– Многие отдали бы за подобную возможность все сокровища и левую руку в придачу! – воскликнул Дастан почти искренне. – Свет солнца все же лучше, чем вечные сумерки на Серых Равнинах.

Стигиец молча пожевал тонкими сухими губами, потом сказал:

– Не станем сейчас говорить об этом. Повелитель, твое великодушное гостеприимство тронуло меня, и я все время размышляю о том, как бы отблагодарить тебя. Признаюсь, обещая свои услуги там, в мрачном подземелье, я представлял довольно смутно, каким магическим средством воспользоваться, дабы обеспечить защиту твоему княжеству. Эта мысль не давала мне покоя ни днем, ни ночью, и здесь, в мрачном уединении, я размышлял, не давая себе отдыха...

Он замолчал и уставился куда-то в пространство.

– Мн-э-э... – протянул Дастан, почувствовав, что пауза

затянулась. – Кажется, ты говорил что-то о золотом петухе.

Старый волшебник пропустил его слова мимо ушей и торжественно продолжил:

– Много удивительного я видел уже в прошедшем, но никогда никакое чудо не возбуждало во мне такого удивления, как творение одной чародейки в плодоносном оазисе на юге Стигии. На вершине горы, с которой взор проникает даже за границы Дарфара, во времена давно минувшие, видел я медного овна, на котором сидел золотой петух с развернутыми крыльями, когда же враги приближались к городу, пел он как живой, и жители, предуведомленные этим чудом, всегда имели время принять нужные предосторожности.

– Клянусь забралом Мардука! – воскликнул Абу-Дастан. – Конечно, подобный страж был бы для меня важнее целого войска, всех богатств Вендии было бы недостаточно для вознаграждения того, кто снабдил бы меня подобным талисманом! Если бы Эль-Мехем обрел подобное диво, мы могли бы направлять силы туда, откуда грозит опасность. Но, помнится, ты обещал как раз...

Стигиец снова перебил его, словно не слыша.

– Некогда я тайно укрылся между мудрецами, которые, вдали от треволнений света, предавались изучению тайных наук. Они посвятили меня в свои священнодействия, и я не щадил живота своего, чтобы проникнуть в самый сокровенный смысл их таинств. Однажды, когда, сидя на берегу Стикса, я рассуждал о важных предметах с одним из этих

тайных учителей, собеседник мой протянул руку к гигантской пирамиде, бросающей на пустыню необъятную тень, и молвил: «Все, чему я могу научить тебя, ничто в сравнении с тайнами, погребенными под этими древними камнями. Эта пирамида стоит здесь со времен Ахерона, и в ее центре есть таинственный склеп, служащий могилой мумии одного жреца Змея Вечной Ночи, управлявшего некогда сооружением этого колосса. Мне ведомо, что могила эта скрывает свиток всемогущей магии. Сей манускрипт был завещан самим Сетом своим первым адептам и переходил из рук в руки, пока не нашел вечный покой в склепе пирамиды».

Едва только выслушал я слова мудреца, сердце мое воспылало неодолимым желанием добыть эту чудную книгу. Я собрал несколько человек, и мы принялись рыть подземный проход, в надежде, что он приведет нас в середину пирамиды. После долгих дней постоянного и утомительного труда мне удалось дорыться до выхода тайного коридора, сообщавшегося с внутренностью древнего строения.

Я смело вступил в лабиринт переходов и проник наконец с неопишуемым чувством страха и почтения в склеп, где много веков покоилось тело жреца, соорудителя этой мрачной гробницы. С величайшим почтением развязал я тесьмы, в которые была завернута мумия, и овладел бесценным свитком, лежавшим на груди ее. Едва присвоив себе это сокровище, я навсегда покинул страшное место...

– О почтенный сын Барруда из Хатта-Оммона! – вскричал

тут шахсар, опасаясь, что маг пустится в пространные описания своих долгих и утомительных странствий. Опасаться было чего: старик рассказывал свою историю при каждой их встрече с самого начала и каждый раз с новыми подробностями. – О светоч всех магических наук, кои только имеются в Трех Мирах! О любимец неба, а также тварей подземных! Твои странствования доставили тебе чудесные дары, перед тобой открыты сокровенные силы, удивляюсь тебе как мудрецу и чудодою, но скажи, ради всех демонов преисподней, помогли ли тебе таинственный свиток решить нашу маленькую проблему?!

– Будь же терпелив, о шахсар, – несколько раздраженно отвечал чародей, – имей снисхождение к речам старших. Я с благоговением пересмотрел все записи, сделанные в манускрипте, доставшемся мне по воле судьбы. Я приобрел власть над силами, управляющими всеми явлениями Вселенной. И, хотя я дал обет смирения и клятву никогда не использовать тайные знания по собственному почину, раз ты меня просишь...

– Прошу! – вскричал Дастан, вскакивая. – Умоляю!

– ... Я исполню твое желание, – торжественно заключил маг.

Он медленно поднялся и поманил гостей за собой.

Они прошли вглубь залы, где оказалась маленькая дверца, столь низкая, что им пришлось согнуться, чтобы протиснуться внутрь. За дверцей обнаружилась винтовая лестница,

уходившая вверх, в темноту.

Арр-Магарбан снова сделал приглашающий жест и, приподняв полы длинного одеяния, побежал по ступенькам с резвостью, которую трудно было заподозрить в столь почтенном старце. Немедийцы и немой шемит старались за ним поспевать, но вскоре отстали.

– Что скажешь, друг мой? – вполголоса спросил Дастан Бравгарда. – Если у нас будет такой страж, мы сможем превратить Эль-Мехем в неприступную крепость. Любое ущелье, куда сунутся супостаты, станет для них могилой: не придумали еще ковали такого щита или шлема, который устоял бы против доброго валуна, сброшенного с высоты полсотни локтей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.